

УДК 323
ББК 63.3
К 59

Коктейль Полторанина. Тайны ельцинского закулисья. –
К 59 М. : Алгоритм, 2013. – 224 с.

ISBN 978-5-4438-0357-9

Мемуары Михаила Полторанина произвели эффект разорвавшейся бомбы. Самый откровенный рассказ о ельцинских временах бывшего всеильного министра печати вызвал огромный резонанс. Фактически воспоминания Михаила Полторанина заставили многих по-новому взглянуть на целую эпоху.

Известные политологи и публицисты делятся своим новым видением «смутного времени» Бориса Ельцина сквозь призму откровений бывшего министра. Новый, иногда шокирующий подход к нашей новейшей истории не оставит равнодушным ни одного читателя, интересующегося эпохой.

УДК 323
ББК 63.3

ISBN 978-5-4438-0357-9

© ООО «Издательство «Алгоритм», 2013

Олег Кашин

ЛАГЕРНЫЙ ИВРИТ

Судьба правдиста Михаила Полторанина

I

Когда мы уже прощались, я зачем-то (в интернет-дискуссиях на такие вопросы принято отвечать — «А что, Гугл отменили?») спросил его, сколько ему лет. Он ответил, что в ноябре будет семьдесят, и я даже вздрогнул — то есть в девяносто втором году ему было пятьдесят три, меньше, чем, например, Путину сейчас. И при этом — на фоне своих коллег по правительству (а тогда даже была такая аббревиатура — ГКЧП, в смысле Гайдар-Козырев-Чубайс-Полторанин) он выглядел не меньшим дедушкой, чем сам Борис Николаевич, которому тогда, впрочем, и самому было чуть за шестьдесят — меньше, чем сегодня, скажем, Никите Михалкову. Коттеджные поселки Калужского шоссе — милая и трогательная пародия на Рублевку. Ну да, недалеко от Москвы — зато ехать через Троицк. Ну да, забор и охрана, но охранник в будке и бровью не ведеет, когда через его вечно поднятый шлагбаум в поселок въезжает наше такси, а забора, кажется, лучше бы и не было — слишком уж плотно теснится внутри его выставка двухэтажного зодчества девяностых — двухтысячных. Вишенкой на торте — дорожный указатель «Жуковка» перед поворотом к поселку; Жуковка, да не та. Дом в глубине поселка и встречающий нас хозяин в легкомыс-

ленной вязаной жилетке в цветочек, делающей его чем-то похожим на сибирских кулаков из советского кино.

Михаил Полторанин, кстати, и происходит из раскулаченных сибиряков. К моменту его поступления на журфак Казахского государственного университета сын за отца перестал отвечать окончательно, и дальнейшая карьера Полторанина была воплощением мечты любого идеологического работника: репортер «Лениногорской правды», потом в газете «Горный Алтай», потом — ответсек республиканской «Казахстанской правды», потом — собкор всесильной «Правды» по Казахстану с территорией ответственности от Урала до Дальнего Востока. Современному журналисту трудно понять, что такое правдист в семидесятые — не столько журналист, сколько чиновник; это удивляет меня, но совсем не Полторанина, который невозмутимо рассказывает, как ездил по заданию ЦК в Находку: «Тогда были такие моменты, когда нужно было соединять транспортные узлы — состыковать морское пароходство, железнодорожный транспорт и автодорожный». — А потом Афанасьев (главный редактор «Правды». — *О.К.*) вызывает меня сюда: «Чего ты там сидишь? Переезжай в Москву!» Сделали меня спецкором, дали квартиру. Было это в семьдесят восьмом году.

II

Сельскохозяйственным отделом в «Правде» тогда заведовал Валерий Болдин — в августе 1991 года его арестуют по делу ГКЧП, и в «Правде», которая той осенью еще пыталась встроиться в новую систему, даже выйдет специальная статья о том, каким подонком этот Болдин остался в памяти правдистов — он даже кофе пил с каким-то противным причмокиванием. Но это будет потом, а тогда правдисты Болдина любили, и Полторанин

с ним тоже дружил. А еще с Болдиным если не дружил, то, по крайней мере, плотно сотрудничал заведовавший сельхозотделом ЦК КПСС Михаил Горбачев, и весной 1985 года, когда Горбачев возглавил партию, он позвал Болдина работать в ЦК. Апрельский пленум уже прошел, до XXVII съезда оставалось меньше года, и новое начальство испытывало острый дефицит спичрайтеров.

— И Болдин сказал Горбачеву, что тут есть парень, который знает экономику, туда-сюда, давай пригласим его. И Горбачев меня позвал. Не в аппарат, а просто поговорить. И я приехал к Горбачеву, познакомились, и меня после этого разговора посадили на сталинскую дачу на три месяца писать. Там за главного Яковлев был, Александр Николаевич, но он приезжал и уезжал, а я как под арестом сидел. Там кормили, табак давали, но семья не приезжала, не пускали, и меня домой не пускали тоже. Давали мне все, даже самые секретные, документы Госплана, КГБ, — все мне привозили. Я конспектировал, черновики тут же охрана брала, такие полосатые были мешки, в них мои записи засовывали и по акту сжигали. Писал я, писал, а когда написал, отдал Яковлеву и вернулся на работу в «Правду».

Через несколько недель Полторанину позвонили уже из Московского горкома партии. Звонил новый первый секретарь Борис Ельцин — вопреки слухам, раньше они знакомы не были, и даже в Свердловске Полторанин никогда не бывал. Ельцин искал нового главного редактора «Московской правды», и Болдин порекомендовал Борису Николаевичу своего бывшего коллегу. — Но я тогда еще не знал, что он меня на работу зовет. Просто сказал: «Хочу с вами встретиться, приезжайте. Завтра можете?» «Могу, во сколько?» «Ну, часиков в семь утра». Я говорю: «Да вы что, я раньше девяти не встаю, у нас с десяти рабочий день, у меня квартира в пяти минутах ходьбы от «Прав-

ды». Он посмеялся: «Ладно, тогда к девяти». Я собрался, поехал, сел в лифт и застрял в лифте у себя на Бутырской. Как назло, никогда такого не было. Застрял, опоздал.

До Полторанина «Московской правдой» руководил Владимир Марков — слабый редактор, зато сильный партиец. Полторанин говорит, что Марков «всего Маркса знал наизусть». — Он даже в «Правдисте» (корпоративная многотиражка тогдашней «Правды».. — О.К.), когда ему поручили к 8 Марта написать передовицу о женщинах, умудрился шесть цитат из Маркса зафигачить. Это было для него естественно, он философ, кандидат наук. Афанасьев-то — тот вообще академик, но у него мировоззрение, широта взглядов, а Володя зацикленный был. И естественно, он Ельцину был не нужен.

Ельцину Полторанин сказал, что примет его предложение, если Афанасьев отпустит, но на самом деле ему и безо всяких «если» очень хотелось работать с Ельциным — слава о новом первом секретаре уже гремела по парторганизациям не только в Москве. Летом восемьдесят пятого у Полторанина в «Правде» вышел репортаж «Гроза над Рузой» (о советские газетные заголовки!) о конфликте между первым секретарем Рузского райкома и Московским обкомом. Полторанин ездил в Рузу, присутствовал на пленуме, обсуждавшем конфликт, и русский первый секретарь с трибуны в сердцах сказал, что за свое кресло не держится и с удовольствием уйдет работать «хоть дворником к Ельцину, который этим чинушам хребты ломает». Зал встретил эти слова овацией.

III

Афанасьев не хотел отпускать Полторанина («Он ведь меня вытащил, дал квартиру, я был такой молотилкой в “Правде”. Снимал секретарей обкомов своими пуб-

ликациями»), но упрямый Ельцин обратился за помощью к новому заведующему отделом агитпропа ЦК Александру Яковлеву, который сумел уговорить Афанасьева отпустить спецкора Полторанина в «Московскую правду». «Афанасьев, конечно, пожелал мне провалиться. Я, мол, не ожидал от тебя, на фиг тебе этот Ельцин нужен, — ну я и пошел с таким напутствием. И вот мы стали с Ельциным работать».

Ельцин пообещал Полторанину, что кроме первого секретаря горкома в работу газеты никто вмешиваться не будет, но Полторанин должен пообещать «работать в рамках, задаваемых горкомом». Рамки при этом выглядели вполне революционно: «демократизация, борьба с привилегиями, разгром чиновничьей мафии». За первый год нового формата тираж «Московской правды», составлявший 110 тысяч экземпляров, достиг миллиона. В 1987 году газету включили во всесоюзный каталог «Союзпечати» — городская газета фактически стала общенациональной.

IV

Скандальная отставка Бориса Ельцина с должности первого секретаря горкома случилась, как известно, в октябре 1987 года, но уже летом было понятно, что Ельцин — хромая утка. Соратники Михаила Горбачева по Политбюро (сам генеральный секретарь пока сохранял нейтралитет) начали критиковать Ельцина уже публично.

— Мы с ним тогда поцапались в первый раз. Когда на него стали давить, он мне говорит, что вот, надо бы уже показывать хорошее, что делается в Москве. Я, говорю, работаю уже здесь год, уже пора показать результаты. Я ему говорю: Борис Николаевич, ну вы даете. Работаете всего год, и говорите, что надо позитив только показывать. Что это такое? Пришел человек и все поменял

к лучшему. Мы же так не договаривались. Ельцин тогда, наверное, обиделся, но у Михаила Полторанина были возможности продемонстрировать Борису Николаевичу свою верность. Во время октябрьского пленума ЦК, рассматривавшего фактически персональное дело Ельцина, Полторанина вызвали на Старую площадь Егор Лигачев и Александр Яковлев и продержали в запертом кабинете целый день, требуя написать заявление, осуждающее первого секретаря Московского горкома.

Полторанин говорит, что из здания ЦК ему пришлось спастись бегством — сказал сидевшему с ним в кабинете чиновнику отдела пропаганды Игорю Складову по прозвищу Череп, что хочет в туалет, а когда Складов пошел его сопровождать к уборной, Полторанин, не прощаясь, бегом спустился по лестнице и уехал домой. А когда новый первый секретарь горкома Лев Зайков на заседании бюро горкома предложил Полторанину остаться в «Московской правде», «чтобы вместе поднимать партию и долбать наследство Ельцина», Полторанин написал заявление об уходе и даже отказался от помощи горкома с поисками новой работы. С работой ему помог главный редактор «Московских новостей» Егор Яковлев, который отвел Полторанина к председателю правления Агентства печати «Новости» Валентину Фалину («Московские новости» принадлежали тогда АПН). Полторанин стал политическим обозревателем АПН и постоянным автором самой популярной перестроечной газеты, в «Московских новостях» он впервые, по его словам, по-настоящему столкнулся с цензурой.

— Цензура была, конечно, всегда. Был Главлит, но мы умели его перехитрить. Допустим, я писал еще в «Правде» статью из Алтайского края — статья называлась «Перегрузка», о том, как природа наша погнится. Работают заводы, сернистый газ из всех труб лезет, потом соединя-

ется с водой, получается серная кислота, и все провода линий электропередачи падают, — и когда я написал эту статью, Главлит ее завизировал, но сказал, что мы не даем добро, должен Гидрометцентр еще смотреть. И председатель Гидрометцентра Израэль забодал меня. Тогда я взял гранки и вставил два абзаца про Израэля, что он должен следить за этим, а ни черта он не следит и так далее. И он, когда читал, дошел до этого места, побагровел и говорит — «Ну я же не могу за все отвечать!» А я ему: «А вы обязаны!» Стали спорить, я говорю — давайте, в конце концов, уберем эти два абзаца. Он обрадовался, завизировал статью.

«Московских новостей» главлитовская цензура, по словам Полторанина, не касалась — там все совсем на другом уровне было. Егор брал все статьи очередного номера в папочку и ехал с этой папочкой к Александру Николаевичу Яковлеву, и Яковлев эту папочку смотрел — вот это пропускаем, а это не пропускаем. Даже в «Правде» такого не было, только в «Московских новостях» и в «Огоньке». Мои статьи Яковлев часто браковал — я, например, написал материал о наших пленных в Польше в двадцатом году, когда Тухачевский делал авантюру. Сдал почти сто тысяч наших красноармейцев в плен, и я писал, как поляки издевались над нашими. Красноармейцу вспарывали живот, сажали туда живого кота, зашивали и смотрели, кто быстрее сдохнет, красноармеец или кот. Такие вещи Александр Николаевич не пропускал. Или еще у меня была статья, как наши гибли, отбивая от немцев ту же Литву, или о том, как Литве передали Вильнюс и Клайпеду — то же самое: вот если бы про пакт Молотова — Риббентропа, то пожалуйста, а так — нецелесообразно.

Взятое Полтораниным интервью у работавшего в то время в Госстрое СССР Бориса Ельцина смогло выйти только в немецком выпуске «Московских новостей».

А другая статья Полторанина на ту же тему — «Как они казнили Бориса Ельцина», написанная для итальянской Corriere della Sera после скандальной публикации о Ельцине в итальянской же La Repubblica, чуть не стоила Полторанину партбилета, по поводу этой статьи его несколько раз вызывали на проработку в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС. После статьи в La Repubblica, кстати, в «Огоньке» вышло маленькое интервью Ельцина, взятое у него молодым журналистом «Огонька» Валентином Юмашевым. С тех пор Полторанин уже не мог считать себя любимым журналистом Ельцина — и я не очень верю, когда Михаил Никифорович говорит мне, что близость Юмашева к Ельцину никогда не вызывала у Полторанина никаких эмоций. «Больше того, ведь я Ельцину сказал, что у нас таких (как с Юмашевым. — О.К.) отношений не может быть. Когда Юмашев книгу («Исповедь на заданную тему». — О.К.) написал, я уже был министром печати, так я не разрешил ни одному государственному издательству ее печатать. Потому что, может быть, конечно, это и идиотизм, но я хотел, чтобы даже не пахло злоупотреблениями. И ее печатали частным образом. И я Ельцину объяснил, хотя Ельцин этого и не понял. Он мне говорил: «Если мы пришли к власти, и все уже наше, мы что, в Америке мою книгу должны печатать?» А я сказал: «У нас есть примеры Брежнева, Андропова, Черненко, даже Горбачева, когда не успеет человек прийти, все издательства выстраиваются. Будем печатать Пушкина, Гоголя, учебники, а вас пусть частники печатают».

V

В 1989 году, когда избранный первым Съездом народных депутатов Верховный Совет СССР только начал работать, комитеты и комиссии нового советского парламен-

та заседали вначале в гостинице «Москва», а потом, когда упразднили Госагропром СССР — в его бывшем здании на Калининском проспекте, но возглавляемый Ельциным комитет по строительству и комиссия по СМИ, в которой работал народный депутат СССР Полторанин, переехали не на Новый Арбат, а в бывший жилой дом на Манежной улице окнами в Александровский сад — в квартиры Марии Ульяновой и Инессы Арманд. Контрольный пакет в Верховном Совете был у «агрессивно-послушного большинства», опального Ельцина многие сторонились, и почти каждый день Ельцин обедал с Полтораниным. Полторанин и его коллеги готовили тогда фантастически либеральный Закон СССР о печати (он вступит в силу 1 августа 1990 года и позволит трудовым коллективам фактически экспроприировать свои газеты и журналы у партийных и советских структур).

— И я рассказывал Борису Николаевичу об этом законе, о том, как мы ездили перенимать опыт поляков, у которых такой закон уже был, о тех наработках, которые предлагали прибалтийские депутаты. Главная идея была — закон прямого действия, то есть без отсылов к правительству, потому что если в законе написано, что что-то должны решать чиновники, закон не будет работать. При этом вместо Главлита должна быть создана на правах министерства сеть инспекций по защите свободы печати и по контролю за чиновниками. Если по стране создается свободная печать, то должен кто-то следить за тем, чтобы чиновники в ее дела не вмешивались. Ельцин все это впитывал, впитывал.

К разговору о министерстве Ельцин и Полторанин вернутся через полгода, после избрания председателя Верховного совета РСФСР. — Депутатом РСФСР я не был, но у нас же все было рядом — тут Верховный совет заседает, а тут российский Съезд. Наш закон о печати мы при-

нимали 12 июня, а они в этот день декларацию о суверенитете. И я пришел — любопытно же посмотреть. И когда Ельцина председателем выбирали, я тоже ходил смотреть. Избрали его, мы все вышли покурить, там в Кремлевском дворце такая решетка чугунная около лестницы, мы там стоим, курим, и Ельцин идет, увидел меня, — Михал Никифорович, пойдём, — в сторону меня отвел: все, пора министерство создавать.

VI

В российском Совмине Полторанин остался и после ухода премьера Ивана Силаева в правительство СССР, когда Ельцин сам сформировал новое правительство России — с Егором Гайдаром на посту первого вице-преьера. В 1992 году Полторанин возглавил Межведомственную комиссию по рассекречиванию документов КПСС и одновременно стал вице-премьером.

— А потом Хасбулатов сказал, что если вы отправите Полторанина в отставку, то мы вашего Гайдара утвердим премьером. И Гайдар с этим ультиматумом пошел к Ельцину: «Вот такое условие». Ельцин мне позвонил, чтоб я пришел, тоже мне пересказал это условие, я говорю: «Уйду, какой разговор. Но, по-моему, это херня. Я уйду в отставку, а они все равно кинут». Ельцин: «А вдруг не кинут, что делать?» Это было в ноябре, а в декабре они кинули, не выбрали Гайдара. Но тогда я сразу же написал заявление, прямо в кабинете у Ельцина. Он мне еще говорит: «Ну давайте вот Останкино берите сейчас». Я говорю: «Нет, Останкино я не буду брать. Давайте создадим Федеральный информационный центр».

ФИЦ, Федеральный информационный центр с гендиректором в ранге первого вице-преьера — это что-то вроде современных госкорпораций. Можно смело ска-

зять, что, создавая ФИЦ, Полторанин на много лет опередил свое время. Огромный холдинг, в состав которого вошли все телевизионные и радиопередающие центры страны, все тогда еще государственные региональные типографии и бумажные фабрики, специальный банк для кредитования СМИ, недвижимость. ФИЦ также имел монопольное право распределения телевизионных и радиочастот. Возглавил империю Полторанин. Единственное, чего ему не удалось — это упразднить ставшее после создания ФИЦа ненужным министерство печати. Съезд народных депутатов лишил Ельцина предоставленных ему осенью 1991 года чрезвычайных полномочий, и упразднять министерства президент уже не мог. «На должность министра Ельцину там кого-то сунули, даже фамилию его не помню. Ельцин мне звонит и говорит: «Мне там кого-то сунули, вы его знаете?» Я не знаю. Он: «Вы мне давайте кого-то другого срочно, у меня есть десять минут». Сначала я позвонил Славе Старкову (главный редактор «Аргументов и фактов». — О.К.). «Слава, пойдешь министром?» — «Нет, не пойду». Я звоню тогда Игорю Голембиовскому (главный редактор «Известий». — О.К.). Игорь мне предложил Володю Надеина (ветеран «Известий», ныне постоянный автор ej.ru — О.К.), но его не оказалось на месте, а у меня времени нет. Три минуты остается, Ельцин перезванивает: «Ну как?» Я говорю: «Подождите». Звоню своему заму Михаилу Федотову. Федотов такой, как штык: «Конечно, готов!» Я даю Ельцину Федотова, и через десять минут по радио уже передают — назначен Федотов.

VII

Полторанин говорит, что у ФИЦа были только технические функции, но даже сейчас очевидно, что это учреждение имело огромный пропагандистский потенци-

ал — современники в этом были также уверены, оппозиционные газеты называли Полторанина Геббельсом, а группа депутатов Верховного Совета оспорила создание ФИЦа в Конституционном суде. Суд признал ФИЦ неконституционной структурой, и бюджетно-плановая комиссия парламента заблокировала бюджетное финансирование полторанинского холдинга. Два месяца ФИЦ еще жил, получая деньги непосредственно от Бориса Ельцина из президентского резерва, а в июле 1993 года Полторанин написал Ельцину заявление об отставке, и Федеральный информационный центр прекратил свое существование. Полторанин объясняет свою отставку и ликвидацию ФИЦа нежеланием находиться в подвешенном состоянии; тогдашнее состояние бывшего министра печати и в самом деле иначе охарактеризовать трудно, но вовсе не только из-за признания ФИЦа неконституционной структурой. В знаменитых одиннадцати чемоданах Александра Руцкого был компромат и на Михаила Полторанина — вице-президент обвинял министра в махинациях с бывшей советской недвижимостью в Берлине. Речь шла о Доме советской культуры и техники, который Полторанин своим распоряжением передал российско-германскому СП.

— Вообще меня, конечно, подставляли с этим домом, — говорит Полторанин. — Я там никогда не был, не видел этого дома никогда. Мне принесли бумаги, документы, что в этом доме какие-то друзья Шохина (Александр Шохин, в начале 90-х — вице-премьер.. — *О.К.*) устроили перевалочную базу для перегона машин из Германии сюда. И берлинский дом может уйти так же, как ушел венский дом советской культуры, который к тому времени уже был в частных руках. Меня это, естественно, разозлило. А принес мне эти бумаги Сережка Байгаров, бывший собкор «Правды» по Германии. Он пришел ко мне с

каким-то замом Чубайса по Госкомимуществу и говорит: «Вот есть такой дом, можно создать берлинский дом русской прессы. Там издавать газету на русском языке для русскоязычного населения Европы и там же можно нашу газету на немецком издавать». Эта идея мне понравилась, и я подписал распоряжение о создании совместного предприятия — не моего личного, а с российской стороны министерство и с немецкой — немецкая структура какая-то. Мы предоставляем дом, а немцы его капитально ремонтируют. Они еще за это попросили дать им помещение под парикмахерскую. Я все подписал, а потом Госкомимущество отошло от этого дела. А без него я как министр печати не имею права распоряжаться госсобственностью, и получается, что я превысил свои полномочия. Ну, превысил и превысил. Я потом написал бумагу, что я снимаю свою подпись, но тем не менее все это закрутилось.

VIII

В 1993 году в телеинтервью Андрею Караулову Полторанин (несколько лет спустя он станет президентом телекомпании Караулова «Момент истины») произнес словосочетание, вызвавшее бурю возмущения либеральной прессы — «лагерный иврит». В каком контексте были сказаны эти слова и что обозначали, я не помнил и поэтому спросил, что такое лагерный иврит.

— Лагерный иврит — это стиль средств массовой информации современной России, — сказал Полторанин, как будто это и есть ответ на мой вопрос. Потом добавил: — Это выражение было в записных книжках Исаака Бабеля. У него это так незаметно проскочило, но мне врезалось в память, и я тогда сказал у Караулова — мы дали большую свободу журналистам, но этой свободой надо пользоваться нормально. Нормальные люди, нормаль-

ные журналисты пользуются этой свободой, чтобы что-то для России сделать, а вот вся эта шпана, которая приходит на телевидение, использует свободу для того, чтобы все обгадить. И вот этот лагерный иврит, этот стиль общения с читателями, со зрителями, может вызвать большую волну сопротивления и волну погромов. Ребята, наматывайте себе на ус, — если погромы начнутся, вы сами их и вызвали. Вот что такое лагерный иврит.

Я спросил Полторанина, понимал ли он, что такие слова безусловно не понравятся интеллигенции. «Интеллигенция — это кто?» — спросил меня Полторанин в ответ. Я назвал наугад имя одного из наших авторов. Полторанин поморщился: «Вы считаете ее интеллигенцией? По моему, она просто дура. Интеллигенция — это Астафьев Виктор Петрович, друг мой боевой, царствие ему небесное. Это Василий Белов, это Юрий Бондарев, тот же Распутин Валентин. Я их всех собирал у себя в министерстве, они мне говорили: «Чего ты об Ельцина мажешься, уходи оттуда!» А я говорил: «Чего уходи, я же дело делаю, мы же создаем независимые СМИ».

IX

Понятно, что нужно делать поправку и на эффект мемуаров, но, похоже, старый правдист Полторанин действительно боролся за независимые СМИ — и на должности министра, и позже, в первой Госдуме, когда депутату Полторанину удалось добиться преодоления вето Совета Федерации на закон, запрещающий госструктурам учреждать собственные печатные издания. Закон в итоге отверг сам Борис Ельцин.

— Я позвонил ему, сказал, что вообще не понимаю — с одной стороны не хотите избавляться от государственных газет, а с другой отдаете в частные руки целое ОРТ.